И. К. Федорова

О происхождении портретной скульптуры в Полинезии (на материалах погребальной практики островитян)

Важное место среди видов изобразительного искусства занимает скульптура, появлению которой у разных народов мира предшествовал длительный исторический период развития художественного творчества людей. Зарождение антропоморфных, прежде всего женских, скульптурных изображений относится к палеолитической древности и было обусловлено возникновением культа умерших и первых погребальных обрядов. Монументальная скульптура, воспроизводящая богов или людей, характерная для многих частей Старого и Нового Света, представляет собой надгробия или восходит к древним надгробным памятникам. Возникновение портретной скульптуры также относится к далекой эпохе предклассового или раннеклассового общества; первые значительные образцы ее появились в восточных культурах, в частности в Древнем Египте, и связаны были также с погребальными обрядами.[1]

В связи с тем что заселение Полинезии, главным образом ее восточной части, началось лишь на рубеже нашей эры племенами, стоявшими на стадии первобытного строя, появление скульптурных форм там датируется, естественно, более поздним временем. Они были представлены антропоморфными скульптурами — фигурками (разных размеров) богов и предков, вырезанными из дерева, кости, камня, а также объемными изображениями из тапы, перьев, волокон луба, тростника. Искусство разных регионов Полинезии имело свои художественные каноны и свои стилевые особенности. Гавайская деревянная скульптура отличалась динамичностью формы, рапануйские моаи из дерева — лаконичной законченностью и тщательностью отделки, скульптурные фигурки туземцев Нукуоро поражают своей выразительной абстракцией, а иконографическое искусство Новой Зеландии с его разнообразием сюжетов и неуемной фантазией не имело аналогов в остальной Океании. Антропоморфные фигурки мангаревцев, хранящиеся в музеях Великобритании и США, сделаны весьма натуралистически, с попыткой передать пропорции человеческого тела, что вряд ли было свойственно другим народам Полинезии.[2] Многие фигурки отличаются некоторой детскостью позы, форм тела, конечностей, других черт, но изображениями детей они тем не менее быть не могут.[3] В связи с этим вспомним хорошо известные по публикациям фигурки моаи тангата, олицетворяющие несомненно предков рапануйцев. Некоторая «инфантильность» всех таких фигурок полинезийцев может быть объяснена воплощением в созданных резчиками образцах идеи инкарнирующейся души. Согласно древним представлениям многих народов (и не только полинезийских), душа предка спустя какое-то время может возродиться в одном из его потомков, пройдя зооморфную стадию иного существования или сократившись до размеров маленького ребенка. В отличие от антропоморфных фигурок изображениям богов Полинезии были свойственны

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-02-027398-8/
© МАЭ РАН

бóльшая стилизация и даже схематичность, а часто неземной, нереальный, иногда фантастический облик сверхъестественного персонажа. В Океании, в том числе на о-ве Пасхи, были распространены изображения, отклоняющиеся от обычных нормальных фигурок людей, — с двумя головами, «сиамские близнецы», янусовидные скульптуры, — связанные безусловно с близнечными мифами и представлениями.

Погребальный обряд у полинезийцев включал несколько этапов — одевание покойника, оплакивание его, захоронение, а в некоторых регионах эксгумацию и вторичное захоронение костяка. Известны были также бальзамирование, мумификация, водный способ захоронения. Сохранение костных останков умерших в пещерах, тайниках, святилищах с целью предохранения их от расхищения и осквернения со стороны врагов характерно было для всей Полинезии — от Гавайских островов до Новой Зеландии и от о-вов Тонга до о-ва Пасхи.[4] «После того как тело истлеет, кости зарывают» в землю, чтобы они не попали неприятелю, писал Ю. Ф. Лисянский о маркизцах, «хотя сие нередко случается, как видеть голову своего родственника, привязанной к ногам соперника».[5] Даже в начале нашего века антропологи не могли получить кости из тайных пещер (например, у гавайцев) для музеев и научных исследований. Такое почитание костных останков в прежние времена объяснялось тем, что полинезийцы видели в них воплощение души предка и средство (медиум) для общения с богами и духами.[6] Иногда, правда, останки сжигались, однако кремация использовалась лишь в исключительных случаях, когда боялись распространения тяжелой заразной болезни или когда у племени не было пещер, гротов, куда можно было бы спрятать кости после эксгумации. Известна была кремация и на о-ве Пасхи.[7] Особо почитались на западе и востоке Полинезии черепа предков, главным образом вождей и знатных, которые хранились отдельно от костяка как реликвии, вместилище сакральной силы (мана). На о-ве Пасхи, например, семьи выбирали для себя определенные места погребения и пользовались ими в течение длительного времени. Если для очередного покойника не хватало места, то старые кости постепенно убирали, но черепа, самые священные реликвии, вместилище маны человека, не трогали.[8] В. Гейзелер и А. Метро находили ниши, содержавшие исключительно одни черепа. Черепа предков использовались островитянами в разного рода обрядах — продуцирующих, свадебных и др. Рассказывают, что Хоту, один из клана Миру, чья мать стала жертвой праздника каннибалов, сделал ее череп реликвией, игравшей большую роль при разведении кур.[9] На о-ве Пасхи черепа часто моделировали из камня, иногда из дерева с той же ритуальной целью.[10] Как на черепах предков, так и на их моделях рапануйцы насекали индивидуальные знаки. Таитяне иногда хранили черепа родителей или почитаемых родственников в семье (в особых коробочках), предварительно очистив их, смазав благовонными маслами и хорошо высушив на солнце. Маори, как и жители о-вов Таити, нередко помещали череп в специальные коробочки-саркофаги с антропоморфной личиной, которые прятали затем в тайниках.[11] Мумифицированные головы, особенно с татуировкой, — мокомокае, такие как выставленные в МАЭ, также считались воплощением духа предка, а следовательно, талисманами, способствующими наряду с простыми черепами плодородию почвы и хорошему урожаю. Маори отрезали головы умерших, препарировали их и многие годы хранили в домах в качестве объекта поклонения. А вдова, оплакивающая покойного мужа, иногда даже спала, положив его голову рядом с собой.[12] Зародившийся в палеолите культ человеческих черепов известен не только полинезийцам, но и другим народам, в том числе всем жителям Океании, при этом головы убитых врагов хранили как военные трофеи. Изображения человеческих черепов и мумифицированных голов сохранились в петроглифах Океании, Азии и Америки.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-02-027398-8/
© МАЭ РАН

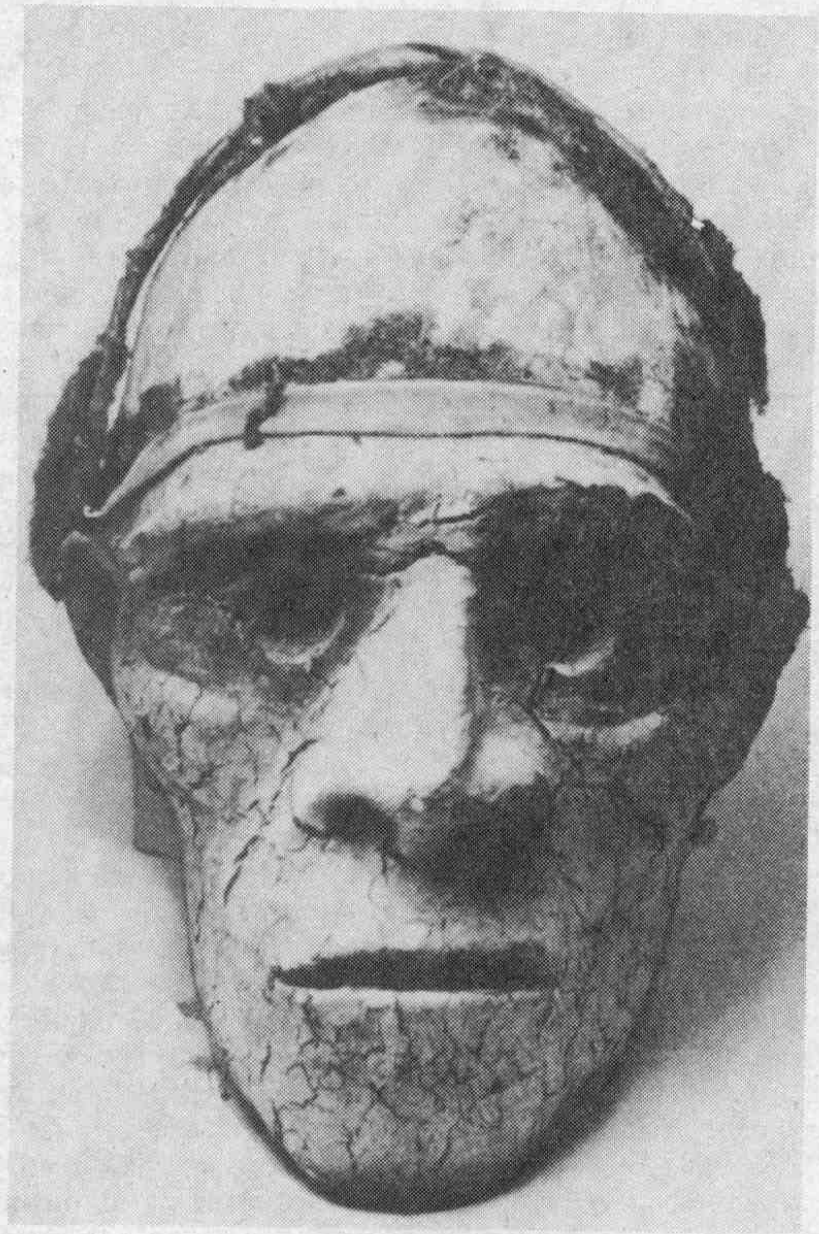


Рис. 1. Черепная маска (Меланезия).

Островитяне Торресова пролива, папуасы Новой Гвинеи, меланезийцы разных островов хранили черепа своих предков, далеких и близких, в качестве священных талисманов и даже оракулов, к которым в дни бедствий они обращались за советом и помощью, а в празднества делали им подношения (рис. 1). Особого внимания и почитания удостаивались, как и повсюду, черепа умерших высокого статуса. Островитяне Торресова пролива после свершения определенных обрядов отделяли голову покойника, отпиливая ее от костяка, и клали в термитник. Когда насекомые очищали череп и он становился белым, туземцы окрашивали его в красный цвет и хранили в красиво сплетенной корзине. Иногда они делали череп похожим на голову живого человека: из дерева и воска изготавливали искусственный нос, в пустые глазницы вставляли раковинки-глаза, выпавшие зубы заменяли деревянными. И простые, и декорированные черепа хранили и использовали с целью колдовства. Всякий раз, когда череп должен был выступать в качестве оракула, его чистили, подкрашивали свежей краской, смазывали соком растений или клали его на листья. Затем тот, кто хотел узнать от черепа правильный ответ на свой вопрос, помещал его на ночь

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-02-027398-8/
© МАЭ РАН

около своего изголовья и ложился спать. Сон, который он видел той ночью, и был ответом черепа-оракула.[13]

Папуасы и меланезийцы многих островов (Новой Каледонии, Новой Британии, Новой Ирландии, Новых Гебрид, Соломоновых островов) верили в то, что предок (мифический или нет, все равно) управляет, руководит жизнью потомков. Поэтому они так или иначе стремились одухотворить череп умершего (предка), особенно вождя. Папуасы Новой Гвинеи, например, сохраняли череп, придав ему сходство с живым человеком путем накладывания на лицевые кости маски из глины, воска или смолы. Смоделировав лицо, мастер давал волю своей фантазии, покрывая скулы, губы и нос криволинейным орнаментом. Точной симметрии в расположении узоров могло и не быть, но мотивы на той и другой стороне лицевой части черепа-маски соответствовали друг другу, превращая ее в настоящее произведение искусства.[14] Кусочки раковин,[15] вставленные в глазницы, придавали жизнь глазам, а черепные швы были скрыты под орнаментированной налобной повязкой из раковин. Обмазанные глиной, воском и раскрашенные затем часто причудливыми узорами черепа несомненно тяготели к портретному сходству с живой натурой, хотя туземцы никогда не задавались вопросом, представляют ли черепа-маски человека или нет, ибо они, по словам М. Линхардта, якобы вообще не придавали значения лицу живого человека.[16] Несомненно, узоры, нанесенные на черепа, при всей их фантазийности передают черты индивидуальной раскраски лиц. Недаром основное внимание уделялось именно лицевой части черепа, а не ровной затылочной части, имеющей бóльшую поверхность.

У меланезийцев также были мастера, которые обладали волшебным даром вдохнуть в череп жизнь, превращая его с помощью смолы, воска, черной и белой красок, а также зеленых перламутровых раковин в довольно живую, воинственного вида маску, имевшую разительное сходство с черепами-масками новогвинейцев.[17] Однако, по мнению американской исследовательницы А. Кеплер, изучавшей разные типы масок меланезийцев, не только материал, из которого они сделаны, но и «лицевые черты» позволяют определить лишь место, откуда они происходят, но не того, кого они изображают.[18] В маску покойного вселяется дух, и, надев эту маску, потомок получает силу предка и может оказывать помощь своим сородичам, влиять на жизнь социума. Именно поэтому маски были как элементами эмоционального воздействия, так и чертой социальной сферы.[19] Жители восточных регионов Полинезии не только поклонялись черепам и костям покойных, видя в них воплощение духа, но и обычно обожествляли самого предка, свершая для этого необходимые ритуалы и церемонии. Согласно религии восточных полинезийцев, многие боги и небожители — это их почитаемые предки. У жителей о-вов Кука, например, божества представляли собой канонизированных жрецов, вождей, знатных воинов, чьи духи вошли в различных птиц, рыб, рептилий, насекомых и т. д., причем по своему рангу они были не ниже остальных богов. Бóльшая часть богов маори — это тоже обожествленные предки.[20] Маркизцы также верили в то, что духи их предков превратились в божества, которые живут на небе, а души умерших вождей и жрецов стали богами-покровителями.[21]

Для Западной Полинезии, где черты разложения первобытнообщинного строя проявлялись менее резко, обожествление предка было не столь характерно. На о-вах Самоа тоже наблюдались случаи бальзамирования вождей, после чего они, по словам одного из миссионеров, получали титул sun-dried gods (буквально: «божества, высушенные на солнце»).[22] Даже в XX в. там из уважения к покойному и его духу (аиту) соплеменники собирали кости умершего после того, как плоть истлевала, чистили их, натирали кокосовым маслом, завертывали в тапу и захоранивали второй раз.[23]

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-02-027398-8/
© МАЭ РАН

Обряды деификации у полинезийцев проходили обычно не перед черепами предков, как в других частях Океании, а с использованием мумии покойного или куклы-манекена, своеобразного «натурального макета» (если употреблять термин А. Д. Столяра), которые сыграли, как нам представляется, исключительно важную роль в развитии портретной скульптуры в Полинезии. В отличие от папуасов и меланезийцев жители Полинезии не могли создавать налепные черепные маски, не имея в достаточном количестве необходимых для этого материалов — глины, камеди, воска. У жителей о-вов Таити, Мангарева, Тонгарева, Маркизских островов, отчасти Новой Зеландии и Самоа объектом поклонения и обожествления была мумия покойного предка.[24] Мореплаватели XIX в., посещавшие о-ва Гамбье, не раз видели мумии, лежавшие головой на северо-восток на деревянных помостах. Спутник капитана Бичи — Бельчер обнаружил однажды сразу шесть тел, подвешенных для высушивания под выступающей частью утеса, который хорошо защищал их от непогоды. Среди них была и мумия ребенка, подвешенная за веревку, привязанную к талии. Тела взрослых были размещены параллельно, головами тоже на северо-восток, как и во всех других случаях; завернуты они были в тапу, затем в циновку и снова в толстый слой тапы, перехваченный слегка бечевкой.[25] На Маркизских островах тело покойного бальзамировали, а затем завертывали в большое количество повязок из тапы. Готовую мумию клали обычно между двумя лодками и этот своеобразный саркофаг помещали в специально построенное для него святилище. Но иногда мумию подвешивали к крыше или стене дома, где жил и умер человек, причем храниться там она могла годами.[26] Когда на Маркизских островах умирал верховный жрец, то в течение месяца непосредственно после его смерти исполнялись обряды деификации, которые включали мумификацию, жертвоприношение и бесконечные сакральные песнопения. Число жертв (не менее 7, но чаще 10) зависело от ранга будущего божества, каждая жертва приносилась той или иной части его тела — голове, глазам, рту и т. п.[27]

Таитяне издавна бальзамировали тело покойного, а затем высушивали его на солнце, время от времени поворачивая его для того, чтобы оно высыхало равномерно. Высушенное тело напоминало скелет, обтянутый пергаментом или клеенкой. Готовую мумию помещали в специальный, построенный для нее дом-святилище, обнесенный изгородью. Там ее укрепляли в сидячей позе на носилках, одевали в лучшую тапу, сверху покрывали плащом, накинутым на плечи, на голову надевали убор в виде тюрбана, предварительно укрепив выпавшие волосы смолой. Мумия оставалась на попечении старейшего члена семьи или жреца. Семья должна была ежедневно приносить для нее цветы, еду, свежие плоды, которые поддерживали якобы ее существование. К мумии обращались всегда, как к живому существу, а иногда выставляли ее для того, чтобы члены социума могли выразить ей свое почитание, но в святилище никому, кроме семьи и близких родственников, входить не разрешалось. Не все, правда, тела покойных захоранивались в сидячем положении, что связано было, думается, со статусом умершего. Знатного вождя бальзамировали и в течение 6—8 месяцев носили по всем дистриктам, а потом только возвращали в его бывшие владения. По мнению Д. Оливье, эта процедура имела политическое значение. После того как плоть истлевала окончательно, кости захоранивали.[28]

На юге Новой Зеландии, где практиковалось захоронение в земле, дважды совершалась эксгумация трупа, причем второй раз — спустя уже длительное время (примерно 2 года) после вторичного захоронения костяка. Для этой окончательной церемонии и следующего за ней празднества собирались родственники и друзья покойного. Кости очищали, окрашивали в красный цвет, украшали перьями, а затем завертывали в циновку. Этот сверток клали в маленькую лодку или миниатюрную хижину на шесте и относили в лес, чтобы спрятать

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-02-027398-8/
© МАЭ РАН

там на вершине священного дерева или в дупле.[29] Однако и на Новой Зеландии была известна мумификация — главным образом на Северном острове, но практиковалась она иногда и на Южном.[30] Связанное и высушенное тело покойного, завернутое в плащ из волокон льна, маори в некоторых случаях доставляли в пещеру мертвых Тома Тупапаку и сажали (в сидячей позе) на приготовленный для него камень. После этого жрец исполнял особое заклинание, которое ограждало пещеру от нарушения наложенного на нее табу, и клал около входа резную ящерицу моко пеке — воплощение духа-охранителя пещеры. Один из информаторов миссионера Э. Беста, знатока маорийской этнографии, утверждал, что только люди высокого ранга (вожди) удостаивались такой чести.[31]

После посещения Гавайских островов Ю. Ф. Лисянский писал о том, что похороны там совершаются, «как у нас». Бедных обертывают в простую ткань и погребают у берега или в горах, при этом «ноги умершего загибаются так, что пятками достают до самой спины».[32] Но были и другие способы захоронения.

Обряд обожествления на Гавайях совершался иногда около макета или манекена, более или менее искусно сделанного из костей покойного. Тело знатного гавайца сразу после его оплакивания завертывали в листья банана и таро, затем клали в яму глубиной около 30 см, сверху все время поддерживали огонь, с тем чтобы ускорить разложение. Жрецы-заклинатели тем временем исполняли песнопения и магические формулы пуле хуи. Через 10 дней тело выкапывали из ямы-могилы и плоть отделяли от костей, которые собирали и складывали в пакет, перевязав его веревкой. Сверток с костями, накрытый тапой и украшенный красными перьями (его называли «унихи пили»), помещали в храме для всеобщего обозрения и поклонения.[33] По свидетельству же Лисянского, тело знатного оставляли в гробнице до полного истлевания, «после сего кости собираются в остов (разрядка моя. — *И. Ф.*) и кладутся в особливое место».[34] Верховный вождь гавайцев считался после своей смерти настоящим богом, поэтому общинники собирали его кости, очищенные согласно приведенному выше способу, перевязывали их, обертывали сложенный костяк тапой, а сверху укрепляли череп вождя и этот манекен оставляли в доме покойного, придав ему сидячее положение, чтобы он напоминал живого человека. Он оставался там до тех пор, пока жрецы кахуна не исполнят все предназначенные для обряда сакральные вербальные формулы. Спустя какое-то время после завершения обряда обожествления это своеобразное изображение вождя переносят на носилках в специально построенное для него наследником вождя святилище или гробницу, в которой он, уже канонизированный, будет почитаться как божество.[35]

Мумификация и связанные с ней обряды наблюдались прежде и в других местах Океании. В некоторых районах Новой Гвинеи туземцы мумифицировали тела покойных, положив их сушиться на бамбуковый помост, под которым разводили огонь. После высыхания мумию завертывали в тапу и держали в доме около стены или подвешивали к потолку.[36] Аборигены островов Торресова пролива сначала выставляли умершего для оплакивания на специальном помосте, а затем, через несколько дней, подвергали тело мумификации — обязательно в море. Вернувшись на берег, они привязывали препарированное тело к раме, которая укреплялась в вертикальном положении на двух столбах где-нибудь за хижиной. От глаз посторонних ее скрывала ширма из кокосовых листьев; в таком виде мумия сохла в течение 5—6 месяцев. Затем ее прикрепляли к новой раме и подвешивали к центральной опоре (столбам) дома. Сухую кожу мумии островитяне окрашивали красной краской, в глазницы вставляли кусочки раковины наутилуса и даже оформляли черным воском зрачки, уши декорировали кусочками саговой пальмы или семенами. Голову мумии украшала налобная

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-02-027398-8/
© МАЭ РАН

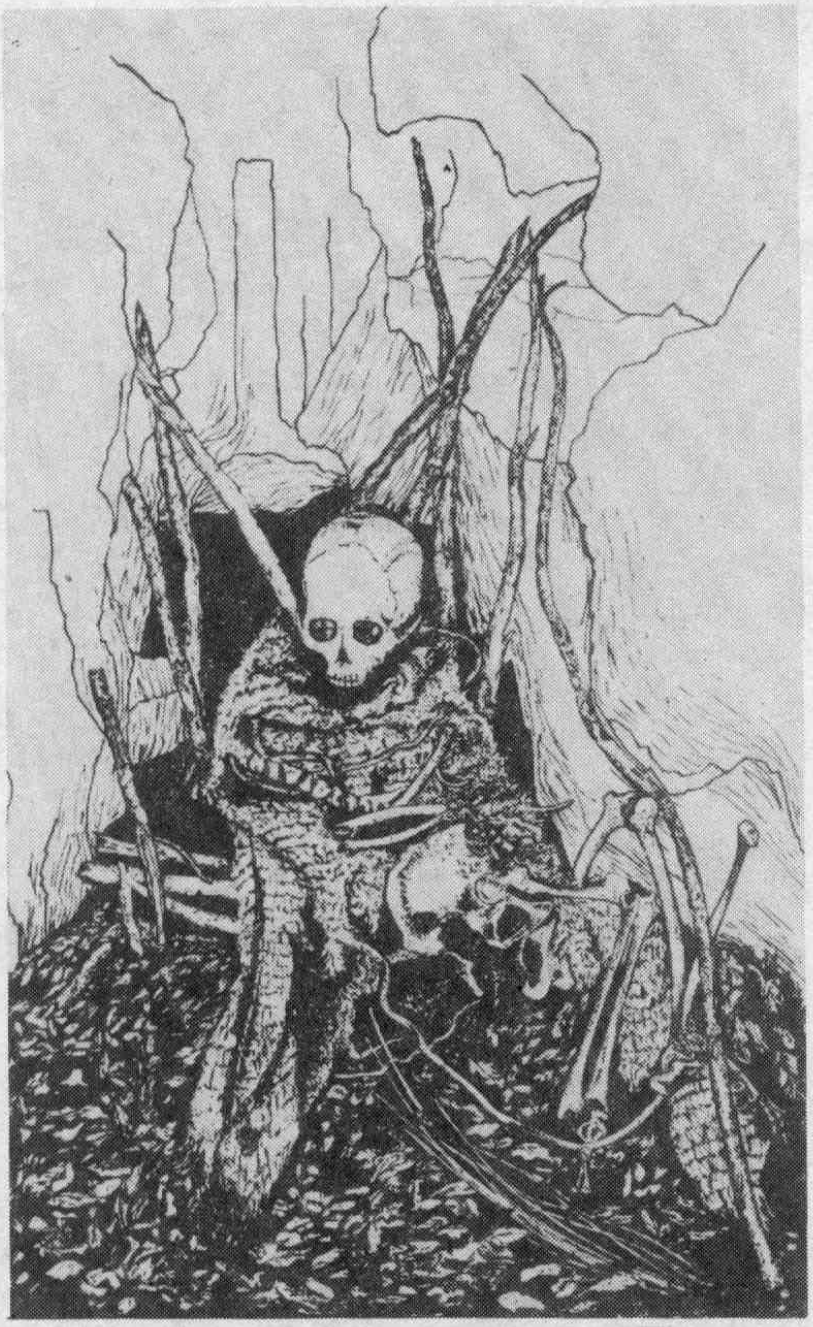


Рис. 2. Макет из костей умершего (Новая Зеландия).

повязка с фрагментами раковины наутилуса, на груди ее висело украшение из раковины в виде полумесяца. В темноте мумия выглядела совсем как живой человек. С течением времени она высыхала все больше и становилась похожей на бумажную фигурку. Качаясь на ветру, она как бы поводила блестящими глазами при каждом движении головы. Хижину, где находилась мумия, окружали столбами и веревками, чтобы охранить ее от злых духов. На западных островах Торресова пролива во время погребальной церемонии, или «пляски смерти», актеры в масках и наголовниках изображали покойного.[37]

Что касается о-ва Пасхи, то своеобразной параллелью мумиям и манекенам, необходимому атрибуту обряда деификации, там были, вероятно, маленькие (41—47 см) фигурки из тапы и веток, представляющие еще одну загадку острова. На возможную связь с обрядами погребения указывает прежде всего сама поза фигурок (название их до нас не дошло) — сидячая, с подогнутыми ногами и подтянутыми к телу коленями, — сходная с положением покойника при

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-02-027398-8/
© МАЭ РАН

Рис. 3. Фигурка из тапы (о-в Пасхи).

сидячем способе захоронения (например, в Новой Зеландии, см. рис. 2), существовавшем у некоторых групп полинезийцев (возможно, известен он был и на о-ве Пасхи). На Гавайских островах, например, покойнику из простых общинников придавали сидячее положение (прижав лицо к коленям) и перевязывали его веревкой. Затем тело завертывали к грубую циновку и в таком положении, сидя, хоронили в каком-либо углублении, яме или пещере.[38] Помимо этого, широкий оскал рта, редкие, как бы выпавшие частично зубы, выступающие (как можно судить по одной из фигурок) позвонки, острые ногти, как у мумий полинезийцев, татуировка, а также знаки на голове, явно отличающиеся от стандартных мотивов и рисунков татуировщиков рапануйцев, также говорят, думается, о том, что фигурки из тапы воспроизводят тело, которого уже коснулось тление. Непропорционально большая голова, а также тело фигурок покрыто узорами черного, белого и оранжевого (желто-коричневого) цветов, которые передают знаки татуировки, а также, видимо, элементы нательной раскраски рапануйцев. Убедиться в этом нетрудно, если взглянуть на известные фотографии и рисунки, воспроизводящие этот давно исчезнувший вид творчества рапануйцев (рис. 3, 4). Тем не менее маленькие фигурки из тапы не были, думается, образчиком татуировки, они символизировали покойного члена семьи с характерной для него и его ранга татуировкой и включались в систему ритуалов, связанных с деификацией, обожествлением предка. Не исключено, что

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-02-027398-8/
© МАЭ РАН

Рис. 4. Фигурка из тапы (о-в Пасхи).

маленькие фигурки из тапы изготовлялись рапануйцами сразу же после смерти человека для поминок и обожествления духа покойного, которыми заканчивался первый период траура. Обычай устраивать празднество с богатым угощением и сакральными песнопениями вскоре после смерти человека преследовал главную цель — возвеличить душу умершего, вселить в нее смелость, приободрить, чтобы она отправилась в мир духов. При этом полинезийцы верили в то, что душа покойного сама же присутствует на празднестве по случаю похорон ее физической оболочки и требует к себе внимания.[39] Семантически и функционально рапануйские фигурки из тапы сходны, видимо, с новогвинейскими резными деревянными корварами, изображавшими покойного предка в виде сидящего или стоящего человека.[40] Считалось, что корвары заключают в себе душу покойного члена семьи и как своего рода пенаты руководят жизнью семьи, оберегают дом, плантации. Поэтому во время празднеств их одаривали пищей, которую вкушали живые сородичи. Иногда головка корвара представляла собой настоящий череп умершего. Такие фигурки изображали главным образом предков мужчин, которые отличались особой храбростью при жизни. По верованиям, череп, как всякие останки человека, лучше удерживает душу, чем головка из дерева. Интересен в этом отношении и погребальный манекен меланезийцев, сделанный из бамбука и глины и увенчанный черепом с налепом (рис. 5).[41]

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-02-027398-8/
© МАЭ РАН

Рис. 5. Погребальный манекен (о-ва Вануату), из кол. Н. Н. Мишутушкина (№ 343).

В целях идентификации в дальнейшем останков своего покойного не только родственниками, но, возможно, согласно поверьям, и душой, если та пожелает вернуться к своему прежнему владельцу, островитяне делали на черепах и аксессуарах погребального обряда определенные отметки. Известно, что ради увеличения силы воздействия черепа на процесс воспроизводства в природе рапануйцы, например, на лицевой его части гравировали обычно знак плодородия — вульву или (правда, реже) стилизованные изображения морских птиц и т. п.[42] Сходные знаки вырезались и на каменных черепах-талисманах. Однако на некоторых из сохранившихся древних черепов о-ва Пасхи острым обсидианом вырезаны, скорее всего, не рисунки-символы, имеющие отношение к продуцирующей магии, а индивидуальные нестандартные геометризованные знаки (комбинации линий, круги, треугольники), которыми рапануйцы, как нам думается, отмечали «свой» череп, чтобы не спутать его с «чужим»; как отмечал

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-02-027398-8/
© МАЭ РАН

С. Энглерт, черепа опознавались по насечке на лбу. Некоторые из этих знаков воспроизведены в работе В. Кнохе.[43] Ту же функцию индивидуализации имели, очевидно, и знаки татуировки, нанесенные на фигурки из тапы. На эксгумированных черепах, подлежащих вторичному захоронению в пещере, маори также делали определенные отметки красной охрой: на лобные кости черепа наносился знак (тухи корае или тухи мареи кура) в виде горизонтальных полос, нижнюю часть черепа по диагонали могло пересекать несколько полосок (под названием «туху кохуру»). Знаками тухи аваруа отмечались камни в пещере, на которые маори сажали связанных веревкой покойников. Эти знаки рисовались с целью найти «своего» умершего в случае, если его придется вынести из пещеры в другое место или для участия в какой-нибудь церемонии. В некоторых случаях знаки, нарисованные на камне-пьедестале мумии или макета из костей, представляли собой у маори отпечатки руки умершего.[44] Маорийские информаторы рассказывали, что некоторые эмблемы татуировки покойного также могли использоваться в качестве средства опознания, например надбровные знаки или тивана уру.[45] Маори вообще считали мотивы и элементы татуировки главным опознавательным средством индивидуума, своеобразным «паспортом» островитянина. Разыскивая какого-либо человека, они прежде всего словами описывали детали его лицевой татуировки.[46] Именно поэтому мумифицированные головы мы можем считать необычными «портретами» предков новозеландцев. Неудивительно, что островитянин, зная, что татуировка сохраняет свой эффект и на мокомокае, «жил и радовался», говоря словами М. Линхардта,[47] тому, что его голова будет когда-либо в будущем мумифицирована.

Спустя какое-то время после первого поминовения умершего, устраивались новое празднество или целая серия их в память о покойном, приуроченные, видимо, к установке на могиле постоянного надгробия. Гавайцы, например, готовили празднество для умершего в первую годовщину его смерти, а затем повторяли его, если такое желание было, ежегодно. Период между первыми погребальными ритуалами и всеобщей праздничной церемонией, сопровождавшейся весельем и пиршеством, был разной продолжительности — от нескольких дней до нескольких недель, месяцев и даже лет. И только после последней церемонии, завершающей траур, смерть индивидуума в первобытном обществе считалась полной в том смысле, что его сношения с общественной группой, к которой он принадлежал при жизни, окончательно прерывались.[48] Надгробие также воплощало дух покойного и предназначалось, видимо, для замены мумии или макета. Обычай делать деревянные или каменные изображения покойного существовал на многих, если не на всех, островах Полинезии. Таитяне, например, верили в то, что, выходя из тела, дух покойного (его называли «ти'и») задерживается около жилища, или среди останков, лежащих на одре, или в костях, зарытых в могиле, или в черепе, хранящемся в особой коробке. Поэтому они устанавливали около места погребения небольшую деревянную фигурку (около 50 см высотой), в которой ти'и мог найти приют. Жители Маркизских островов на месте захоронения также ставили изваяния умерших, каменные или деревянные, и приносили им жертвы в виде плодов и пр. Так, например, Лисянский и его спутники — участники первого кругосветного путешествия русских — видели на кладбище маркизцев одного из таких «истуканов», на голове которого лежало подношение в виде кокосового ореха.[49] Память знатных покойных на о-ве Пасхи увековечивалась в камне. Статуи моаи маеа, устанавливавшиеся на погребальных площадках, были окрашены в красный, черный, белый цвета и носили какие-то черты индивидуализации в виде знаков татуировки и иной символики. Надгробия у маори представляли собой иногда ряд вырезанных друг над другом стилизованных изображений предков наподобие тотемных столбов американских индейцев. Но были и отдельные антропоморф-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-02-027398-8/
© МАЭ РАН

Рис. 6. Изображение вождя, установленное на месте его захоронения (Новая Зеландия).

ные фигурки тики, отмечавшие могилу предка. Мемориалы часто делались из перевернутых лодок (или их половин), а также из досок. Эти пустые гробницы, кенотафы, покрывались рисунками и окрашивались, как и фигурки о-ва Пасхи, — в черный, красный и белый цвета.[50] До нас дошла интересная информация о том, что в конце XIX в. на Новой Зеландии, на дороге, ведущей к Роторуа, можно было встретить резные деревянные фигурки, которые представляли собой мемориалы вождей, умерших от своих болезней по пути к целебным источникам. Некоторые из фигур были покрыты кусками материи, как плащами (рис. 6). Самой замечательной чертой этих изображений была точная имитация татуировки покойного, по которой потомки могли узнать, кому воздвигнут тот или иной памятник. Татуировка, указывавшая на принадлежность покойного вождя к племени, к той или иной семье, а также отмечавшая его индивидуальные черты, представляла собой нечто вроде фотографии и снимала вопрос об имени умершего.

На о-ве Пасхи обязательным атрибутом большого поминального праздника,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-02-027398-8/
© МАЭ РАН

который устраивался в память об умершем спустя некоторое время после окончания погребального обряда — через несколько дней, недель, месяцев или даже лет, была, однако, не каменная статуя (на изготовление ее уходили годы), а большая (до 4 м и даже более высотой) фигура из веток, травы и тапы, которой накрывали плетеный остов идола. Называлась она «паина»[51] и была не только олицетворением покойного, но и символом самого праздника поминовения, имевшего то же название, что и фигура, и проходившего всегда летом в течение 2—4 дней. Точное время его проведения определялось положением трех центральных звезд Ориона. Праздник проходил около аху, в нише которого захоранивали покойника, под руководством жреца и преследовал двоякую цель: обратиться к духу отца, воззвать к его памяти и одновременно отблагодарить тех, кто не оставил его сына без помощи и поддержки. Вся семья покойного, главным образом братья и кузены, вносили свою долю угощения и труда в организацию трапезы во время паина. В течение ряда месяцев они выращивали цыплят, плоды, собирали про запас разную снедь, чтобы можно было накормить большое число гостей. Гости, принимавшие участие в празднестве, также приносили с собой еду, чтобы присовокупить ее к общему угощению. Пиршество бывало обильным, и бóльшую часть его составляли куры, цыплята и мясные крысы, которых отлавливали в курятниках харе моа.[52] Фигуры, подобные паина, известны были в древности и на других островах Океании. Плетеную мужскую антропоморфную фигуру под названием «мауи», сходную в какой-то мере с рапануйскими паина, английскому мореплавателю Дж. Куку удалось наблюдать, например, на празднествах таитян. Она была украшена перьями, символизирующими татуировку и волосы; на ней была также набедренная повязка маро; по высоте (2 м 15 см) она приближалась к рапануйским паина. Во время мемориальных празднеств на о-ве Пасхи жрецами налагалось табу на посадки батата, которое снималось только после окончания периода оплакивания. Объяснялось это, видимо, тем, что батат у рапануйцев (как, впрочем, и у маори), согласно приводимым Дж. Фрэзером сведениям, считался пищей богов. Поминальные празднества рапануйцев, как и маорийских хакари, могут быть в известной степени сопоставлены с потлачами американских индейцев — американские ученые П. Рубель и Э. Розман 20 лет назад пришли к выводу о сходстве подобных празднеств маори с моделью потлачей у нутка и квакиутл.[53]

Сходным образом проходили в древности праздники в честь умерших и в других местах Океании. У Фрэзера приводится рассказ о подобном празднике на Новой Гвинее. Его устраивали часто в память о нескольких покойных сразу. Островитяне из близких и далеких деревень припасали саго, кокосовые орехи и другую снедь. В первую ночь носили еще знаки траура, поэтому есть ритуальную кашу из саго им было нельзя; только друзья, которые не были в трауре, могли отведать ее, остальные же лишь плясали и пели, но без аккомпанемента барабана и гонга. Таким образом, ночь проходила в танцах, песнях, курении, а с наступлением дня одна группа людей начинала делать корвар, персонифицировавший их покойника. Другая группа островитян подготавливала череп покойного и, когда деревянное изображение с большой головой было вырезано, вставляла его в голову фигурки через специальное отверстие сзади. После этого можно было приступить и к угощению, состоящему из ритуальной саговой каши; друзья покойного сами кормили ею плакальщиков. Оплакивание покойного на этом заканчивалось, а танцы и песни продолжались до утра.[54]

В Центральной Меланезии после похорон начиналась серия таких празднеств — иногда очень длинная. Число их и интервалы между ними могли быть разными на разных островах, к тому же это зависело от статуса покойного. Они проходили на пятый или десятый день после смерти человека, а впоследствии

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-02-027398-8/
© МАЭ РАН

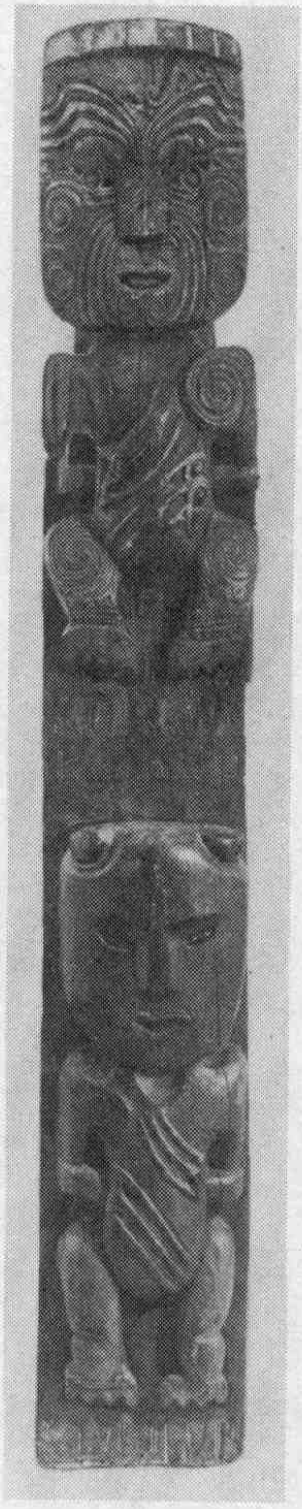
каждый пятый или десятый день вплоть до сотого и даже в случае поминовения близкого родственника (отца, матери, жены) до тысячного дня с момента смерти. По случаю празднеств для достижения блага и покоя души умершего делалось его деревянное изображение и устраивались пиршества, во время которых угощение подносилось и духу покойного со словами: «Это для тебя».[55]

Танцы, пиршество, выставка резных, окрашенных краской фигурок и других предметов были главной чертой самой зрелищной, яркой и впечатляющей церемонии Новой Ирландии — маланган, которая состояла из мемориальных фестивалей, проходивших ежегодно в течение пяти лет после смерти человека, направленных на повышение престижа потомков (ср. паина у рапануйцев), а также на эмоциональную разрядку и «подъем эстетических чувств». Искусство резьбы по дереву Новой Ирландии отличается разнообразием деталей, богатством красок и представляет собой вершину виртуозности в разработке формы в Океании, как считает К. Линтон. На севере Новой Ирландии фигуры для празднества маланган вырезались из куска дерева 3—6 футов и украшались дополнительными резными изображениями (змеи, ракообразные и пр.). Вообще в Меланезии деревянные фигурки хотя и редки, но, по мнению Кеплер, довольно натуралистичны, особенно на Соломоновых островах.[56]

У полинезийцев существовал обычай держать в хижинах и храмах деревянные изображения предков. Как уже говорилось, таитяне устанавливали в своих святилищах деревянные фигурки ти'и (одиночные и двойные), представлявшие собой духов мертвых. У отдельных племен Новой Зеландии, особенно среди аборигенов Ванганyи, также существовал некогда обычай ставить в доме маленькие резные изображения, каждое из которых было посвящено какому-либо предку семьи, — считалось, что дух входит в него и разговаривает с потомками.[57] Согласно фольклору маркизцев, такие деревянные изображения вырезались для обряда воскрешения человека — дух вселялся в фигурку, и человек снова возвращался в мир живых (подобные действа практиковались и у народов Сибири).[58] Голову и туловище фигурок своих предков моаи тангата рапануйцы покрывали местами минеральной краской, прежде всего оранжево-желтой, считавшейся, видимо, атрибутом божеств и духов, как это наблюдалось и у меланезийцев (например, на о-вах Адмиралтейства). Там, кстати, большие красные фигуры с длинными, узкими лицами, часто обрамленными декоративным орнаментом в виде зигзага, также устанавливались в домах в память об умерших и использовались во время церемоний, посвященных предкам, наряду с черепами. Некоторые из них, как и скульптурки полинезийцев, представляли собой настоящие произведения искусства. Однако наивысшего расцвета пластическое искусство полинезийцев достигло на Новой Зеландии в портретной скульптуре, украшавшей жилища маори. Один из самых известных образцов ее — резная фигура, расположенная налево, сразу же за входной дверью церемониального дома Те Хау-ки-Туранга (ныне хранится в музее г. Веллингтона). Это скульптурный автопортрет (с особым, своим выражением) известного маорийского мастера-резчика Рахарухи Рукупо, который и построил этот дом в 1840 г. с бригадой мастеров в традициях древнего маорийского зодчества.[59] Сложные тонкие узоры на лице фигуры позволяют высказать предположение, что они передают индивидуальную татуировку мастера (вспомним приводившееся ранее сообщение об «одетых» мемориальных фигурах у маори), а не стандартное украшение, характерное для маорийской иконографии. Голова скульптуры вырезана непропорционально большой в силу представлений полинезийцев о ее сакральности — деталь, следует отметить, характерная для искусства Океании вообще. Изображение же торса, плеч, бедер выполнено в манере маорийской иконографии. Маорийские резчики не ставили перед собой цели создать реалистический образ в нашем понимании, тем более что они воплощали в дереве

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-02-027398-8/
© МАЭ РАН

Рис. 7. Скульптурное изображение вождя и его жены (Новая Зеландия) (№ 1279-75).



довольно своеобразную сущность. Поэтому портретность понималась ими как точность воспроизведения символов и атрибутов ранга.[60] Однако Т. Барроу, хороший знаток искусства маори, считает, что в качестве натуры или эталона для маорийских скульпторов-«портретистов» служили мумифицированные головы мокомокае.[61] Добавим к этому, что резные фигуры предков в маорийских домах харе нуи носили имя предка и были отмечены тем же знаком (он мог вырезаться между ног изображения), который ставился на месте захоронения умершего.[62] Редкое исключение составляли портретные фигуры, вырезанные при жизни того, кого они изображали. Автопортрет Рахарухи Рукупо может считаться прекрасным образцом скульптуры этого типа. Символизм, свойственный высокому уровню развития изобразительного творчества, сближает маорийскую скульптуру по ее художественной ценности с искусством Юго-Восточной Азии и Америки. Иные индивидуальные характеристики (не тот наклон головы, другой разрез глаз и их взгляд) имеет еще один интересный, явно реалистический портрет знатного вождя маори Те Хапуку, скульптура которого украшает главную опору еще одного дома маори.[63] Проходя по залу Австралии и Океании Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого в Санкт-Петербурге, можно увидеть сразу два (правда, барельефных) портрета предков маори, составлявших когда-то украшение дома собраний (МАЭ, № 1279-72). Верхняя фигура барельефа с большой головой и почти квадратным лицом изображает вождя, а нижняя женская фигура с овальным лицом, скромной татуировкой около рта и длинными тонкими пальцами — это, очевидно, портрет его жены (рис. 7). В связи с появившейся в период контактов с европейцами традицией внизу даны даже их имена — Кокане Ипукоу (Кокане — «Большая Голова», иначе «Головастый, или Умный») и Хине Кура (?) (или «Красная Дева»).

Подведем итоги изложенному выше.

Возникновение портретной скульптуры у полинезийцев относится к периоду разложения первобытнообщинных и зарождения классовых отношений. Оно было связано, по всей видимости, с погребальными церемониями, а также культом предков, главным образом знатного происхождения.

Портретная скульптура в Полинезии, как, очевидно, и в других регионах Океании, восходит, согласно этнографическим данным, непосредственно к декорированным черепам и натуральному макету (или манекену) из костей покойного, а также к мумиям, составлявшим основу обряда поминовения и деификации как в Океании, так и в других частях Земли (у египтян, нигерийцев, инков и иных народов).

В качестве средств индивидуализации этому типу скульптуры были присущи не только символы индивидуального статуса, но и сугубо личные характеристи-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-02-027398-8/
© МАЭ РАН

ки (татуировка, а также знаки-отметки на месте вторичного погребения, например, в виде отпечатков руки покойного и др.).

Дальнейшее развитие объемной портретной скульптуры привело к появлению барельефной фигуры с чертами индивидуализации, а позднее, видимо, и рисунка.

---

[1] См., например: *Столяр А. Л.* Происхождение изобразительного искусства. М., 1976; История первобытного общества: эпоха классообразования. М., 1988. С. 345—470.

[2] *Те Ранги Хироа.* Мореплаватели солнечного восхода. М., 1951. С. 157; *Barrow T.* Art and life in Polynesia. London, 1971. P. 200—202.

[3] *Barrow T.* Op. cit. P. 200—202.

[4] *Hendy E. S. C.* Polynesian religion. Honolulu, 1927. P. 259. (B. P. Bishop Mus.; Bull. 34).

[5] *Лисянский Ю. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах... В 2-х ч. Спб., 1812.

[6] *Hendy E. S. C.* Op. cit. P. 259; *Green L. C., Beckwith M. W.* Hawaiian customs and beliefs relating to sickness and death // American Anthropologist. N. S. 1926. Vol. 28. N 1. P. 182—183.

[7] *Ayres W. S.* Radiocarbon dates from Easter Island // JPS. 1971. Vol. 80. N 3.

[8] *Geiseler W.* Die Osterinsel. Berlin, 1883. S. 30. *Métraux A.* Ethnology of Easter Island. Honolulu, 1940. (B. P. Bishop Mus.; Bull. 160).

[9] *Routledge C. S.* The mystery of Easter Island. London, 1919. P. 240.

[10] *Heyerdahl Th.* The Art of Easter Island. London, 1976. Fig. 96. P. 195—200.

[11] *Ellis W.* Polynesian researches. London, 1829. Vol. 1. P. 524: *Moerenhout J. A.* Voyages aux îles du Grand Océan. Paris, 1831. T. 1. P. 554; *Henry T.* Ancient Tahiti. Honolulu, 1928. P. 295. (B. P. Bishop Mus.; Bull. 48); *Oliver D. L.* Ancient Tahitian Society. Canberra, 1974. Vol. 1. P. 507—508; *Barrow T.* Maori art of New Zealand. Paris, 1978. P. 94.

[12] *Frazer J. G.* The Belief in immortality. London, 1922. Vol. 2. P. 23.

[13] Ibid. 1913. Vol. 1. P. 179.

[14] *Leenhardt M.* Arts of the Oceanic peoples. London, 1950. P. 37.

[15] У раротонганцев, кстати, кусочки перламутра назывались душой бога (*Meinike C. S.* Die Insel des stillen Oceans. Leipzig, 1876. Bd 2. S. 146).

[16] *Leenhardt M.* Op. cit. P. 37.

[17] *Linton R.* Arts of the South Seas. New York, 1946. P. 121.

[18] *Kaeppler A. L.* Ceremonial masks: a Melanesian art style // JPS. 1963. Vol. 72. N 2. P. 118—138.

[19] *Авдеев А. Д.* Происхождение театра. Л.; М., 1959. С. 99—100; История первобытного общества: Эпоха классообразования. М., 1988. С. 381—382.

[20] *Frazer J.* Op. cit. Vol. 2. P. 227.

[21] *Hendy E. S. C.* Op. cit. P. 253; *Williamson R. W.* Religious and cosmic beliefs of Central Polynesia. Cambridge, 1933. Vol. 2. P. 49.

[22] *Frazer J.* Op. cit. Vol. 2. P. 205.

[23] *Goodman R. A.* Some aitu beliefs of modern Samoans // JPS. 1971. Vol. 80. N 4. P. 463—479.

[24] См., например: *Ellis W.* Op. cit. Vol. 1. P.400—405; *Moerenhout J. A.* Op. cit. 1937. T. 1. P. 101—102; *Hendy E. S. C.* Op. cit. P. 259—265; *Henry T.* Op. cit. P. 296; *Te Rangi Hiroa.* Ethnology of Tongareva. Honolulu, 1932. P. 80—81. (B. P. Bishop Mus.; Bull. 92).

[25] *Beachey F. W.* Narrative of a voyage to the Pacific and Bering's Strait (1825—1828). London, 1831. Vol. 1. P. 163—165, 170.

[26] *Frazer J.* Op. cit. Vol. 2. P. 357.

[27] Ibid. P. 351—352; *Hendy E. S. C.* Op. cit. P. 259.

[28] *Ellis W.* Op. cit. Vol. 1. P. 272, 400—405; *Oliver D. L.* Op. cit. Vol. 1. P. 507—508; *Henry T.* Op. cit. P. 296.

[29] *Frazer J.* Op. cit. Vol. 2. P. 21.

[30] *Orchiston D.* The practice of mummification among the New Zealand maori // JPS. 1968. Vol. 77. N 2.

[31] *Best E.* The Maori. London, 1924. Vol. 2. P. 65—66.

[32] *Лисянский Ю. Ф.* Указ. соч. С. 201.

[33] *Alexander W. D.* A brief history of the Hawaiian people. New York; Cincinnati; Chicago, 1891. P. 74—77; *Hendy E. S. C.* Op. cit. P. 253—259; о макете см. также: *Malo D.* Hawaiian antiquities. Honolulu, 1903. P. 142. (B. P. Bishop Mus. Sp. p.; N 2). — Cit. Hendy.

[34] *Лисянский Ю. Ф.* Указ. соч. С. 201.

[35] *Hendy E. S. C.* Op. cit. 1927. P. 258—259.

[36] *Frazer J.* Op. cit. Vol. 1. P. 313.

[37] Ibid. P. 179, 188.

[38] *Alexander W. D.* Op. cit. P. 74—77; *Коцебу О. Е.* Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг. 2-е изд. М., 1959. С. 233.

[39] *Hendy E. S. C.* Op. cit. P. 255—256.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-02-027398-8/
© МАЭ РАН

[40] См.: *Соболева Е. С.* Западноирианские корвары в коллекции МАЭ // Сб. МАЭ. 1984. Т. 39. С. 152—160.
[41] *Frazer J.* Op. cit. Vol. 1. P. 310—317; *Leenhardt M.* Op. cit. 1950. P. 37—38. Fig. 17.
[42] *Métraux A.* Op. cit. P. 267. Fig. 43.
[43] *Englert S.* Island at the Centre of the World. New York, 1970. P. 86; *Knoche W.* Die Osterinsel. Concepción, 1925. Abb. 150.
[44] *Best E.* Op. cit. Vol. 2. P. 66.
[45] Ibid.
[46] *Barrow T.* Art and life... P. 163.
[47] *Leenhardt M.* Op. cit. P. 121.
[48] *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.; Л., 1937. С. 227; *Green L. C., Beckwith M. W.* Op. cit. P. 179.
[49] *Коробицын Н. И.* Записки приказчика Российско-Американской компании Н. И. Коробицына 1795—1807 гг. // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX вв. М.; Л., 1954. С. 118—213.
[50] *Mallery G.* Picture-writing of the American Indians. New York, [1972]. Vol. 2. P. 526. Il. 735.
[51] Слово это связано, скорее, со значением полинезийской морфемы паки, па'и — «завертывать, завязывать, одежда». Ср. маор. паки, папаки — «набедренная повязка, одежда», пакипаки — «плащ»; таит. па'и — «тщательно завертывать, закутывать, связывать в узел», гав. паи — «связанный, соединенный», паихо — «подпоясываться набедренной повязкой *мало*».
[52] *Routledge C. S.* Op. cit. P. 233; *Métraux A.* Op. cit. P. 344; *Englert S.* La tierra de Hotu Matu'a. Padre las Casas (Chile), 1948. P. 302—304; *Frazer J.* Op. cit. Vol. 2. P. 275—276; *Luomala K.* Moving and movable images in Easter Island Custom and Myth // JPS. 1973. Vol. 82. N 1. P. 43—44.
[53] *Rubel P. G., Rosman A.* Potlatch and hakary: an analysis of Maori society in terms of the Potlatch model // Man. 1971. Vol. 6. N 4.
[54] *Frazer J.* Op. cit. Vol. 1. P. 320—321.
[55] Ibid. P. 358—359.
[56] *Linton R.* Op. cit. P. 160; *Leenhardt M.* Op. cit. P. 56; *Kaeppler A. L.* Op. cit. P. 120.
[57] *Frazer J.* Op. cit. Vol. 2. P. 31.
[58] *Hendy E. S. C.* Marquesan legends. Honolulu, 1930. (B. P. Bishop Mus.; Bull. 34).
[59] *Barrow T.* Art and life... P. 289—290.
[60] История первобытного общества. С. 415.
[61] *Barrow T.* Maori art... P. 27—28.
[62] *Best E.* Op. cit. Vol. 2. P. 66.
[63] *Barrow T.* Maori art... P. 48.

I. K. Fedorova

ABOUT THE ORIGIN OF PORTRAIT SCULPTURE IN POLYNESIA (ON THE MATERIALS OF ISLANDERS' FUNERAL PRACTICE)

The aim of this article is to study the origin of the portrait sculpture in Polynesia. The author hopes to prove that it's origin was bound with funerary practices and the ancestors worshipping. Judging by the remaining ethnological data the portrait sculpture go back to decorated sculls of the dead and to a «natural model», i. e. mummies or bone's mannequin which created illusion of a living person. Mummies and bone's models, wrapped in cloth, with the scull on the top were the objects of deification and worship of deads at many Polynesian islands.

The portrait sculpture reached its peak on New Zealand in the last century, but Maori carvings don't seem to be realists copies of living persons, they were considered as such because of the accuracy of tattou marks, rank's symbols and attributes.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-02-027398-8/
© МАЭ РАН